

— Хвалят мою красоту, разве это не приятно? — Едва произнеся эти слова, Сяо Юйшань уже рассмеялся, искренне развеселившись от уличной песенки.

Кто же такой Сяо Юйшань? Хотя он и был человеком с множеством мыслей, но обладал открытым характером, и разве мог он позволить себе быть скованным уличными слухами? Чу Циюнь лишь вздохнул, понимая, что его беспокойство было напрасным.

Сяо Юйшань не только не разозлился, но и попросил у Ань Фэна немного денег:

— Сколько нужно дать за песню?

Разве император мог выходить из дворца с кошельком? Ань Фэн, не имея выбора, развязал шнурок кошелька, намереваясь достать несколько монет:

— Десяток-другой монет будет достаточно...

Но не успел он закончить, как весь кошелёк уже оказался в руках Сяо Юйшаня. Тот, перебирая монеты, скептически осмотрел их, посчитав, что медяки слишком дешёвы, а серебро — слишком мелко, и в итоге выбрал кусок золота размером с половинку большого пальца.

Ань Фэн не успел остановить его, Чу Циюнь тоже не смог вмешаться. В шумном зале вдруг наступила тишина, музыканты и певицы широко раскрыли глаза. Золотой слиток, выделявшийся среди десятка медных монет, действительно был достоин императорского подарка. Разве мог император ограничиться десятком монет?

Хотя золотой слиток и не был большим, он мог обеспечить певцов и музыкантов пропитанием на многие годы. Верхний Янлоу был местом изысканным, где литераторы и художники считали себя выше мирских забот и называли деньги низменными. Но, увидев происходящее, они лишь подумали: какой же это богач решил похвастаться своим состоянием?

— Благодарю вас, господин, — музыкант встал и поклонился Сяо Юйшаню.

Певица, придя в себя, тоже встала и поклонилась. Взглянув на Сяо Юйшаня, она покраснела, смущённая и застенчивая.

Ань Фэн отвернулся, не желая больше смотреть на Сяо Юйшаня, сожалея о разорённом кошельке и злясь на то, что тот всё ещё выглядел довольным собой.

Чу Циюнь, улыбаясь, схватил Сяо Юйшаня за рукав и потянул за собой, тихо сказав:

— Как ты можешь так расточительствовать?

— Я дал слишком много? — Сяо Юйшань выглядел невинно, позволяя себя вести из Верхнего Янлоу, не чувствуя себя виноватым. — Император расточительствует, разве это считается расточительством?

— Ты ещё и оправдываешься? — Чу Циюнь, видя, что его наставления не доходят до Сяо Юйшаня, лишь подумал о том золотом слитке и почувствовал боль за Ань Фэна.

Сяо Юйшань, научившись у Чу Циюня его искусству спора, ответил:

— Разве не говорят, что под небом нет земли, которая не принадлежит императору? Золото — моё, люди — мои. Я даю золото своим подданным, как это может быть расточительством?

Сяо Юйшань говорил с уверенностью, и Чу Циюнь не смог ничего возразить. Лицо Ань Фэна стало ещё холоднее, он вышел, держа меч, и уставился на Сяо Юйшаня.

Сяо Юйшань раскрыл веер, словно ничего не замечая, одной рукой обнял Чу Циюня, другой потянул Ань Фэна, улыбаясь с небрежной грацией:

— Пойдёмте, пойдёмте, заглянем в дом министра.

Шагая, Ань Фэн сказал:

— Позвольте мне быть откровенным, сейчас ещё не полдень, министр определённо не дома.

— Ты прав, — Сяо Юйшань, шевельнув своей изворотливой головой, придумал новый план. — Может, вы предложите какое-нибудь место?

Ань Фэн хотел уговорить его вернуться в храм Сюйхэ, но был остановлен взглядом Чу Циюня. Бедный император, слишком долго запертый за дворцовыми стенами, теперь был как птица, вырвавшаяся из клетки, и не собирался возвращаться, пока не насладится свободой.

Чу Циюнь улыбнулся:

— Ваше Величество, были ли вы когда-нибудь в Академии Наньлу?

— Слышал о ней, но не бывал, — Академия Наньлу была местом, где учились дети знати, там было множество талантливых учёных и известных личностей. Сяо Юйшань слышал о ней, но никогда не посещал.

Чу Циюнь, видя интерес Сяо Юйшаня, спросил:

— Может, заглянем туда?

Сяо Юйшань снова раскрыл веер, изображая из себя литератора, и сказал:

— Прекрасно, прекрасно.

Сказав это, они оба рассмеялись и пошли рядом. Лишь Ань Фэн, оглядываясь через плечо, смотрел на близлежащий дом семьи Е и тихо вздыхал.

Академия Наньлу с её зелёной черепицей и белыми стенами, окружённая бамбуковыми рощами, сопровождаемая звуками чтения, казалась райским уголком. Когда Сяо Юйшань и его спутники прибыли, солнце уже пекло всюду, и все трое были покрыты потом.

Чу Циюнь, обмахивая Сяо Юйшаня веером, направился к тени деревьев.

Увидев через окно студентов, погружённых в учёбу, Сяо Юйшань перестал чувствовать жару и вдруг вспомнил о Е Вэньцине, сказав своим спутникам:

— Знаете ли вы, что Е Вэньцин тоже учился здесь?

Ань Фэн сразу заинтересовался:

— Хотя предки министра и были из семьи учёных, но они давно обеднели. Как же он смог поступить в Академию Наньлу?

— Я поручил людям изучить его прошлое и узнал кое-что, — ответил Сяо Юйшань. — Отец Е Вэньцина был художником, известным в городе Цзяньян, но, к сожалению, умер в расцвете сил. Его мать, пожертвовав всем, что у них было, смогла дать ему образование и помочь поступить на службу. Это были годы тяжёлого труда.

Чу Циюнь, восхищаясь мудростью матери Е Вэньцина, ещё больше уважал самого министра за то, что тот смог пробиться в жизни:

— К счастью, господин Е оправдал её надежды, достигнув успеха.

Ань Фэн тоже начал понимать мотивы Е Вэньцина. Тот, пройдя через множество трудностей, стремился выделиться и даже рисковал, чтобы получить шанс на продвижение, всё ради того, чтобы оправдать ожидания.

Такая ноша была непонятна детям из знатных семей. Услышав эти слова, Ань Фэн понял, что его прежние советы Е Вэньцину о том, чтобы просто жить спокойно, были подобны словам «почему бы вам не есть мяса?» из известной притчи.

— Почему в академии есть женщина?

Мысли Ань Фэна были прерваны восклицанием Чу Циюня. Он посмотрел в ту сторону и увидел стройную женщину, идущую с корзинкой еды без сопровождения служанок.

Ань Фэн узнал её и сказал:

— Какое совпадение, это сестра господина Е, должно быть, она принесла еду.

— Кто же удостоился такой чести, что сестра министра сама принесла еду? — Сяо Юйшань тоже заинтересовался, улыбаясь и задавая вопрос.

— Я кое-что знаю об этом, — Ань Фэн, всегда прямой, выложил всё, что знал о семье Е. — Сестра господина Е уже давно обручена с бедным учёным. Даже став министром, господин Е не отказался от этого брака и даже помог своему будущему зятю поступить в Академию Наньлу, чтобы тот мог сдать экзамены и жениться на его сестре.

Е Вэньцин был человеком с принципами и талантливым чиновником, хотя и амбициозным, но несомненно выдающимся.

Сяо Юйшань, слушая рассказ Ань Фэна о семье Е, решил подшутить над ним:

— Как это ты так хорошо знаешь чужие семейные дела?

Бедный Ань Фэн замялся, не зная, что ответить. Сяо Юйшань, зная о его тайных чувствах, поддразнил его, но потом перевёл разговор на женщину:

— Похоже, она принесла еду своему жениху.

Действительно, женщина долго ждала в уединённом месте, и, когда занятия закончились, один из студентов, одетый в простую одежду, не пошёл с товарищами, а направился в бамбуковую рощу.

Мужчина был обычной внешности, но обладал аурой учёного. Увидев, что сестра Е Вэньцина пришла в такую жару, он вытер её пот, проявляя заботу. Женщина слегка кивнула, как цветок на ветке, застенчивая и нежная, полная девичьих чувств.

Эта нежная сцена была слаще мёда, и даже Сяо Юйшань подумал, что их трое оказались здесь не вовремя.

Там, где пара влюблённых наслаждалась нежными моментами, трое мужчин чувствовали себя неловко, продолжая подглядывать. Чу Циюнь быстро нашёл предлог, чтобы увести остальных.

Император Великой Янь, сопровождаемый охранником и даосом, подглядывал за чужой встречей — это было совсем не по-императорски.

Сяо Юйшань тоже не ожидал, что окажется в такой ситуации, и чувствовал себя крайне неловко, желая поскорее забыть об этом:

— Если этот студент действительно сможет получить должность, я лично устрою их свадьбу.

Ань Фэн, всё больше интересуясь делами семьи Е, услышав слова императора, сразу же согласился:

— Правда?

— Император не шутит, — Сяо Юйшань, смеясь в душе над его наивностью, твёрдо решил сдержать слово.

— Я благодарю ваше величество от имени господина Е, — свадьба, устроенная императором, была великой честью, и Ань Фэн искренне радовался за Е Вэньцина и его сестру.

Видя это, Сяо Юйшань снова решил подшутить:

— Это дело семьи Е, почему же ты благодаришь?

Примечание: «Ошибка в цветочном поле» — это опера, где есть сцена, в которой главного героя по ошибке принимают за женщину и похищают для свадьбы. Этот сюжет использован в песне, чтобы показать, как народ через текст намекает на женоподобную внешность императора.

<http://bllate.org/book/16210/1455416>